

УДК 94(470)“986/988”: 930(470)+271.2(470)-9

ВЫБОР ВЕРЫ КНЯЗЕМ ВЛАДИМИРОМ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Матвеев В. В.

Белорусский государственный университет,
исторический факультет

(г. Минск, Республика Беларусь)

Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент
Е. К. Шимака

Аннотация. Статья посвящена особенностям российской историографии вопроса выбора православной веры князем Владимиром. Рассматриваются основные концептуальные подходы относительно причин принятия христианства, которые сложились в работах историков XIX в., советской историографии и современных исследованиях.

Ключевые слова: историография, выбор веры, христианство.

Summary. The article is devoted to the peculiarities of the Russian historiography of the issue of Prince Vladimir's choice of the Orthodox faith. The main conceptual approaches concerning the reasons for the adoption of Christianity, which have developed in the works of historians of the XIX century, Soviet historiography and modern studies, are considered.

Key words: historiography, choice of faith, christianity.

История Крещения Руси князем Владимиром включает в себя описанный в Повести временных лет (далее – ПВЛ) рассказ о выборе веры князем Владимиром, датируемый 986 – 988 гг. В нём говорится о том, что, когда Владимир задумал менять веру на Руси, к нему по очереди стали приезжать представители разных религий, рассказывая о своей вере и предлагая Владимиру принять её. Но князь, поразмыслив, из множества вер выбрал христианскую [7, с. 115-134]. Существование рассказа породило в историографии проблему выяснения действительных причин принятия христианства. В настоящей статье рассматриваются основные трактовки событий 986 – 988 гг.

Под влиянием ПВЛ в историографии XIX века крещения Руси сложилась однозначная и во многом ненаучная точка зрения, при том, что историчность рассказа изначально сомнению не подвергалась. На протяжении повествования о деяниях Владимира-язычника и на протяжении самого рассказа, в ПВЛ неоднократно делается акцент на сверхъестественном элементе. Так, в описании эпизода, в котором жребий на жертвоприношение языческим богам пал на сына варяга-христианина, упоминается, что свершилось это оттого, что варяг был противен «диаволу» [7, с. 113]. Аналогично образу «диавола» в рассказе ключевым образом стала «Божественная рука» [7, с. 135]. Через данный образ автор ПВЛ стремился донести, что выбор Владимиром христианства – «промысел Божий». Сверхъестественный элемент стал для церковных историков и церковных деятелей на долгие годы основной причиной принятия князем Владимиром христианства.

Подобную трактовку можно наблюдать, например, у церковного историка митрополита Макария, который, хоть и признавал как причину «Божественную благодать», тем не менее, выделял ещё две. Вторая причина принятия христианства – полное и искреннее убеждение Владимира в превосходстве греческой веры перед остальными. Третья причина у Макария отождествлялась с теми боярами, что советовали Владимиру принять греческую веру, с их мудростью, и якобы склонностью всех окружающих к православной вере. Но, несмотря на это, основной причиной по-прежнему оставалась «Божественная благодать». Макарий не смог по-иному объяснить такой резкий переход Владимира-язычника к Владимиру-христианину [5, с. 362-366].

Несколько иная точка зрения была у русского историка С. М. Соловьёва, который считал выбор из многих вер особенностью русской истории. В своих работах по истории России С. М. Соловьёв отходил от риторики Макария, представляя Владимира «послушным мальчиком», который подчиняется воле своего ближнего окружения. В книге С. М. Соловьёва просто констатировался факт принятия христианства оттого, что «на совете оно было признано лучшей религией» [8, с. 178-180].

После Октябрьской революции началась ревизия традиционных «церковных» точек зрения на отдельные исторические события. Коснулось это и проблемы причин принятия христианства. Самым ярким примером этого пересмотра явилась работа Н. М. Никольского, вышедшая в начале 1930-х гг. Историк, который в кругах учёных был представлен не иначе как «первый, кто попытался осветить историю русской церкви с позиций марксизма-ленинизма», писал, что выбор веры и весь летописный рассказ является не иначе как вымыслом, а единственный голый факт, что возможно констатировать – крещение в 988 г. [6, с. 21]. В противовес рассказу он выделял две причины принятия христианства: давление со стороны греческих царей, на сестре которых Владимир женился, и тот факт, что в дружине подавляющее большинство уже были православными [6, с. 22]. Более того, он писал, что Владимир не был первопроходцем и своей церковной реформой лишь завершил то, что начиналось задолго до 988 г. [6, с. 21-22].

Ситуация могла кардинально измениться уже с середины 40-х гг. XX века, после того как 4 сентября 1943 г. в Кремле состоялась встреча И. В. Сталина, В. М. Молотова и Г. Г. Карпова с тремя митрополитами: Сергием (Старгородским), Николаем (Ярушевичем) и Алексием (Симанским). Встреча эта на некоторое время изменила политику советской власти по отношению к церкви, и уже в специальном томе Большой Советской Энциклопедии, который был полностью посвящён СССР и вышел в 1947 г., в разделе «История» можно было прочитать: «Принятие христианства языческой Русью – свидетельство идеологического роста русского народа» [2, с. 313]. Эту точку зрения можно считать государственной, поскольку редакторами тома были такие люди, как С. И. Вавилов, К. Е. Ворошилов, П. И. Лебедев-Полянский, О. Ю. Шмидт. Однако в научном кругу менее радикальные точки зрения на причины принятия христианства стали появляться лишь к 1980-м гг.

В советской исторической науке в норму входило догматическое восприятие и толкование марксизма, а соответственно и вопрос причин принятия христианства рассматривали исключительно с позиций марксизма, однако в 1980-х гг. некоторые историки совершали попытки пересмотреть традиционные позиции Н. М. Никольского, стараясь не отходить при этом от по-

зиций марксизма. Так, историк Я. Е. Боровский во многом был близок в этом вопросе с церковными историками и относил к причинам принятия большую организованность христианской веры [3, с. 100]. Однако к рассказу о выборе вплоть до времен перестройки и распада СССР относились максимально критично.

В связи с этим историком М. Ю. Брайчевским, равно как и историком А. Г. Кузьминым, были выявлены нестыковки в рассказах. Так, М. Ю. Брайчевский считал, что т.н. «Речь философа» была записана позже, другим летописцем и скорее всего не относится к действительности [9, с. 67]. Кроме того, М. Ю. Брайчевский явно показывал, что в «Речи...» неверно описана суть христианства [4, с. 97]. Таким же образом, А. Г. Кузьмин заострял свое внимание на том, что в знаменитой «Корсунской легенде», содержащейся в ПВЛ, был отражен еретический арианский символ веры о том, что Бог-сын только подобен Богу-отцу и Богу-святому духу, что полностью противоречило каноническому никейскому символу веры о том, Бог-сын единосущ с Богом-отцом и Богом-святым духом [9, с. 67]. При всех выявленных нестыковках и А. Г. Кузьмин, и М. Ю. Брайчевский отдавали предпочтение экономическим и политическим причинам принятия христианства.

Как уже было сказано, в советское время в исторической науке делали упор на марксистское учение. Крещение Руси и причины принятия христианства рассматривали с классовых позиций. Принятие христианства отождествляли со становлением в Древней Руси феодализма, что заставило правящий класс принять новую, классовую религию, которая бы освящала его господство над всем зависимым населением древнерусских сел, погостов и городов. В перестроечное время, практически на закате советской власти, эту точку зрения опровергал историк-медиевист профессор О. М. Рапов, который заострил своё внимание на том, что в рабовладельческом строе древнейших государственных цивилизаций правящий класс вполне обходился языческим культом, чем опровергалось «классическое» положение советской власти [9, с. 69].

Ситуация изменилась только после распада СССР. Современная точка зрения воскресила в себе дореволюционную, при этом до конца не исключая советскую. Уже российский историк С. В. Алексеев, хоть и называл рассказ о «выборе вер» во многом легендарным [1, с. 130], но снова включил сверхъестественный элемент, а также сделал акцент на принятие христианства Ольгой [1, с. 138-139]. Принятие христианства Владимиром он представлял как явление само собой разумеющееся, однако отмечал политическую выгоду от христианства, хоть «искал Владимир вовсе не это» [1, с. 142].

Таким образом, мы видим, что начиная с XIX в. точки зрения историков на причины принятия христианства постоянно менялись. Происходило это под влиянием внешних факторов, в том числе и политических. Однако для современных исследователей эта поляризованность церковных и светских историков не принесёт никакой пользы.

Список использованной литературы

1. Алексеев, С. В. Владимир Святой. Создатель русской цивилизации / С. В. Алексеев. – Москва : Издательский дом «Вече», 2006. – 315 с.
2. Большая Советская Энциклопедия. Союз Советских Социалистических Республик. – Москва : ОГИЗ СССР, 1947. – 1937 с.
3. Боровский, Я. Е. Мифологический мир древних киевлян / Я. Е. Боровский. – Киев : Наук. Думка, 1982. – 53 с.
4. Брайчевский, М. Ю. Утверждение христианства на Руси / М. Ю. Брайчевский – Киев : Наук. думка, 1989. – 204 с.
5. История христианства в России до равноапостольного князя Владимира, как введение в историю русской церкви / Соч. архимандрита Макария, инспектора и проф. богословских наук в С.-Петербургской духовной акад. – Санкт-Петербург: в Тип. военно-учебных заведений, 1846. – XII, 421, III, [1] с.
6. Никольский, Н. М. История русской церкви, 3-е изд. / Н. М. Никольский – Москва : Политиздат, 1985. – 448 с.
7. Повесть временных лет / Сост., примеч. и ук. А. Г. Кузьмина, В. В. Фомина. Вступ. ст. и перевод А. Г. Кузьмина / отв. ред. О. А. Платонов. – Москва : Ин-т русской цивилизации, Родная страна, 2014. – 544 с.
8. Соловьёв, С. М. Чтения и рассказы по истории России/ С. М. Соловьёв – Москва : Издательство «Правда», 1990. – 768 с.
9. Спицын, Е. Ю. Древняя и средневековая Русь IX–XVII вв.: Полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов. Книга I / Е. Ю. Спицын. – Москва : Концептуал, 2023. – 448 с.